

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ПЕРИОД

Май 1945 года: битва выиграна; разногласия между тремя волями; омраченная победа

Развитие политики в отношении Германии и Австрии после Ялтинской конференции

Ни с одним из своих могущественных противников нацистской Германии не удалось заключить соглашение, которое позволило бы ей продолжать борьбу только с остальными. Но взаимное недоверие внутри коалиции спасло ее от главной кары, предназначавшейся ей. В Ялте был подписан принципиальный документ, по которому Германия должна быть разделена на несколько отдельных государств. Механизм осуществления этого был оговорен в условиях капитуляции, одобренных Европейской консультативной комиссией. Но в течение весны, по общему согласию, об этом постепенно забыли.

Специальный комитет, состоящий из Идена, как председателя, и послов Гусева и Уинанта, попросил наметить пути и средства разделения. К тому времени, когда комитет встретился впервые (7 мая), все три правительства не были уверены, следует ли выполнять намеченный план раздела.

Уже в Ялте Черчилль был поражен трудностями и испуган последствиями. Идея разделения Германии еще больше оттолкнула его, когда Советский Союз выразил желание держать под контролем все страны к востоку от Германии и, возможно, со временем начать насаждать там советскую систему. Вот как выразился премьер-министр через шесть недель после Ялты: «Мне не очень нравится мысль о расчленении Германии до тех пор, пока не прояснятся мои сомнения относительно намерений России».

Советское правительство пришло к тому же решению по собственным соображениям. Американская и британская армии прорвали немецкие линии обороны стремительнее, чем ожидалось, в то время как советские войска задержались перед Берлином. Советские лидеры предположили, что немецкие солдаты ослабляют свое сопротивление на западе, продолжая ожесточенно сражаться на востоке из страха перед тем, что их ждет, если они попадут в руки русских. Подозрительным немцам казалось вполне возможным, что британцы и американцы могут купить немецкую капитуляцию на западе за тайное обещание не разделять Германию и единственным ее сторонником останется Советский Союз. Похоже, требовалась какая-то акция, которая бы разрушила страхи немцев, продолжающих сопротивление на востоке. Вероятно – кто знает? – Советским Союзом двигала мысль, что, если Германии позволить остаться неделимой, а ужасное разрушение продолжится, позже будет легче внедрить в ней коммунистическую идеологию.

Во всяком случае, в конце марта и начале апреля тон советской прессы и пропаганды заметно изменился. Больше не осыпалось бранью все немецкое. Прекратились угрозы страшной мести. Советские лидеры, не обещая Германии мягкой участи, отказывались от каких-либо намерений уничтожить немецкий народ и заговорили о менее жестоких мерах по отношению к немцам после войны.

Об изменении позиции Советского Союза по разделению было сообщено в комментарии посла Гусева на встрече Европейской консультативной комиссии 26 марта. Он заявил, что советское правительство считает ялтинское решение о разделе не обязательным, а скорее возможным путем обезвредить Германию, если других средств окажется недостаточно. Уинант истолковал это так, что советское правительство колеблется, о чем и сообщил в Вашингтон. Но позже, в беседе с Гопкинсом в мае, в Москве, Сталин признался в ином понимании им происходящих событий. В докладе об этой встрече, который он получил, говорилось, что Идеи и его коллега из министерства иностранных дел сэр Уильям Стрэнг заявили, что британское командование против раздела, разве что в качестве угрозы для немцев; и, поскольку Уинант, в отличие от Гусева, не высказывался в пользу этой меры, он, Сталин, сделал вывод, что американское правительство также отказалось от этой идеи.

Это было не верно. Но, так или иначе, Сталин похоронил идею разделения как умышленной политической акции в своем сообщении о победе, произнесенном 9 мая: «Германия полностью разгромлена. Немецкие войска капитулируют. Советский Союз празднует победу, хотя не намерен ни разделять, ни уничтожать Германию». Ни британское, ни американское правительства, как уже было сказано, не стремились ухватиться за эту возможность. А также ни одно из этих трех правительств не обещало поддержать требования французов о том, чтобы Рейнская земля, Рур и Вестфалия были отделены от остальной Германии.

Однако, когда война закончилась, появилась перспектива, что вследствие напряженности и соперничества между державами-победительницами Германию вполне можно разделить, но не на несколько отдельных политических государств, а на отдельные зоны оккупации. До этого союзникам не удавалось договориться о какой-либо общей политике, касающейся экономической структуры и положения Германии, точных суммах репараций и возможном использовании немецких военнопленных в восстановительных работах. Если не будет заключено соглашение по этим жизненно важным вопросам, если люди, продовольствие, уголь и другие основные предметы снабжения смогут свободно передвигаться между зонами и если у них у всех будет единая денежная система, каждая, в самом деле, может стать отдельной страной. Или, по крайней мере, западные зоны могут быть отделены от советской зоны. Самый важный из вопросов, которые предстояло решить главам государств на грядущей встрече, заключался в том, примирят ли члены коалиции (которым в этом вопросе придется считаться с желаниями французов) свои идеи и цели так, чтобы позволить Германии оставаться единой страной.

Разногласия возникли и по вопросу оккупации Австрии. Правительства коалиции заявили в 1943 году в Москве, что Австрия в конечном счете должна быть восстановлена как свободная и независимая страна. Но пока не будет заключен мирный договор, совместная оккупация и контроль должны иметь место. В Европейской консультативной комиссии больше года продолжались дискуссии о системе и зонах оккупации.

Американское правительство не распространялось о той роли, которую хотело играть в оккупации страны после окончания войны. Оно стремилось к равноправному положению в Контрольной комиссии, которая, как было согласовано, будет создана в Вене для управления делами всей страны. Кроме того, оно хотело получить под свою опеку одну из трех (или четырех, если туда войдет Франция) зон оккупации, на которые должна быть поделена Вена. Но Объединенный комитет начальников штабов не хотел, чтобы Соединенные Штаты участвовали в оккупации остальной части страны; поэтому Рузвельт сопротивлялся предложениям Британии и Советского Союза по зонам оккупации. Потом, в декабре 1944 года, Уинант, американский представитель в Европейской консультативной комиссии, в двух впечатляющих посланиях в Вашингтон ясно дал понять, что, если американское правительство действительно хочет эффективно влиять на будущее страны, ему придется взять зону под свою ответственность. Тогда президент согласился. Но потом договорились, что Соединенные Штаты должны принять юго-западную зону Германии, а предполагаемая австрийская зона должна была стать лишь дополнением, как в военном отношении, так и в отношении снабжения.

В Европейской консультативной комиссии пришли к соглашению только об общем расположении сепаратных зон; американцы должны были быть на северо-западе, французы и британцы на юго-западе и на юге, русские в центре и на северо-востоке. Затем британцы представили на рассмотрение точную карту зон, а примерно 1 апреля русские предложили внести туда поправку. Американские власти нашли неприемлемыми изменения по обоим основным пунктам: разделению на зоны Австрии и плану разделения на сектора Вены.

Советское правительство попросило, чтобы советская зона включала в себя не только Северо-Западную Австрию, но также сектора, простирающиеся к западу, центру и югу. Ни британское, ни американское правительства не хотели отводить Советскому Союзу столь

внушительную территорию. Государственный департамент, под влиянием Объединенного комитета начальников штабов, 5 апреля информировал Мосли (заместителя Уинанта в Европейской консультативной комиссии), что американское правительство согласно отдать под контроль советского правительства землю Бургенланд, граничащую с Венгрией, и часть Верхней Австрии северо-восточнее Дуная, но считает неоправданным распространение его влияния в Штирии и Каринтии. 9 апреля он известил об этом Европейскую консультативную комиссию, и его поддержали британские коллеги. Следует заметить, что в конце концов, то есть в июне, границы зон прошли приблизительно по этим линиям.

Американская армия не собиралась соревноваться с Красной армией в скорости и глубине проникновения в Австрию и во взятии Вены. Но американское правительство в любую минуту было готово сделать так, чтобы советские военачальники недолго управляли Австрией, если советские войска первыми дойдут до ее столицы. В октябре 1944 года оно предложило Молотову заключить соглашение о том, чтобы правительство, чьи войска сумеют первыми дойти до Вены, тотчас же пригласило остальные правительства направить в этот город своих представителей с целью быстро сформировать Союзный контрольный совет. Молотов тогда не дал прямого ответа. Он лишь предложил, чтобы Европейский консультативный совет рассмотрел этот вопрос наряду с остальными. На том дело и остановилось.

Советская схема разделения юрисдикции внутри округа Вены, находящегося глубоко в советской зоне, также считалась несовершенной. Она предлагала возврат к границам Вены до 1938 года; предложенная в ней сегментация не гарантировала американскому, британскому и французскому секторам необходимого размещения, обучения и отдыха. Не обеспечивала она оккупационным войскам также необходимых средств связи и воздушного сообщения; все пять существующих аэродромов попадали в советскую зону. На заседании Европейской консультативной комиссии 9 апреля американские представители высказывались за принятие более широких границ округа Вены; или, если это неприемлемо, передачу одного из крупных аэродромов под управление и оперативный контроль американцев. Британский представитель предложил выделить каждой державе-оккупанту по одному аэродрому в Вене. Кроме того, они настаивали, чтобы внутренний город (Иннере Штадт) Вены находился под контролем межсоюзной администрации с целью справедливого использования его возможностей. 21 апреля советский представитель ответил несколькими скудными контрпредложениями.

Тем временем было официально заявлено, что для начала подготовки к совместной оккупации нет необходимости ждать урегулирования этих вопросов. 13 апреля, в ходе разговора Гарримана со Сталиным, во время которого посол известил Сталина о смерти Рузвельта, советский маршал упомянул о необходимости установить округа, которые будут предоставлены в Вене каждому из четырех союзников. Он предложил, чтобы американский, британский и французский представители тотчас же начали делить город на зоны. К этому времени советские части уже освободили город и начали движение вверх по Дунаю к Линцу.

Известие об этом радостно встретили и в Вашингтоне, и в Лондоне. Но предложение Сталина вскоре было отвергнуто. Вероятно, из-за намеков на то, что, если американская и британская миссии быстро придут в Вену, они могут помешать текущей деятельности Советского Союза в Австрии. Поэтому в послании Кеннана советскому Министерству иностранных дел от 20 или 21 апреля, в котором говорилось о готовности американских представителей приехать в Вену, было заявлено, что американское правительство рассчитывает на приказ советского правительства своим войскам предотвратить перемещение из Вены промышленного оборудования и остановить другие изменения, которые бы нанесли вред общим целям и общему управлению. В послании, представленном 21 апреля британским посольством в Москве, предлагалось наделить представителей, которых пошлют в Вену, правом решать «важные политические и экономические вопросы, которые возникнут в Австрии». Из-за пристального внимания союзников к обстановке в Австрии советское правительство несколько позже заявило (что отражено в многочисленных

посланиях Вышинского между 23 и 30 апреля), что предложение Сталина подразумевало незамедлительное прибытие в Вену Контрольной комиссии, «чтобы принять участие в работе временного контрольного органа». Но это должно произойти не раньше, чем в Европейской консультативной комиссии будет заключено соглашение о зонах оккупации как во всей Австрии, так и в Вене. Похоже, это предлагало выбор: принять зональное распределение, которого хотят русские, или терпеть отсрочку неопределенное время.

Столкнувшись с этой дилеммой, американское и британское правительства были захвачены врасплох внезапным появлением временного правительства Австрии. События развивались именно так с ведома и с помощью Советского Союза. Американское и британское правительства впервые услышали об этом 24 апреля, когда Вышинский информировал их послов, что Карл Реннер, лидер социалистов, пользующийся хорошей репутацией (бывший канцлер Австрийской Республики и последний председатель Свободного национального совета), представил план создания временного правительства Австрии. Реннер, объяснил Вышинский, претендует на то, что в силу своего официального положения до прихода к власти нацистов он имеет законное право взять инициативу в свои руки: и он планирует созвать депутатов австрийского парламента, которых сможет найти, чтобы вместе решить вопрос о формировании нового правительства. В конце этого послания Вышинский заметил: «Предположив, что создание временного правительства Австрии может служить существенной поддержкой делу союзников в борьбе за полное освобождение Австрии от немецкой зависимости, советское правительство считает возможным не мешать Карлу Реннеру и другим политическим фигурам Австрии в их работе по формированию временного правительства Австрии».

Британское и американское правительства быстро ответили, что они не хотят принимать по этому поводу скоропалительного решения, особенно если учесть, что большая часть Австрии еще находится под контролем немцев. Поэтому они попросили советское правительство отложить признание Реннера или лидера какой-либо другой группы.

Несколько дней спустя Реннер, с любезного разрешения русской военной миссии в Вене, сам обратился к американскому и британскому правительствам. Начиналось это заявление так:

«Благодаря победоносному наступлению Красной армии, освободившему Вену и часть Австрии от армии немецкого рейха... и основываясь на решениях Крымской конференции, а также Московской конференции 1943 года, представители политических партий страны решили образовать временное правительство, приступившее сегодня к своим обязанностям под председательством доктора Карла Реннера...»

В этом послании содержалась информация относительно формирования нового правительства и политики, которой оно намерено следовать. Оба министерства, которым предстояло непосредственно работать с австрийским народом, – министерство внутренних дел и министерство образования и культуры – возглавляли коммунисты. К американскому и британскому правительству обратились с просьбой не отказывать в помощи новой администрации.

Но союзники не собирались связывать себя обязательствами до тех пор, пока им не представится шанс решить, справедливо ли представляет это временное правительство австрийский народ, сможет ли оно и будет ли действовать независимо или будет считать себя обязанным прежде всего нравиться Советскому Союзу. Они заявили об этом публично. Потом в Москве они выразили протест против поддержки Советским Союзом этой инициативы до консультации, предусмотренной в Декларации об освобожденной Европе и уместной для союзников, по-прежнему занятых полным освобождением Австрии. 29 апреля московское радио сообщило, что советский командующий в Австрии признал группу Реннера временным правительством. Американское и британское правительства отказались следовать его примеру.

30-го числа Черчилль сообщил Трумэну, что его очень беспокоит развитие ситуации в Австрии. Он опасается, что сообщение о формировании временного правительства Австрии, а также отказ Советского Союза позволить союзным миссиям вылететь в Вену означают только одно: русские используют свой шанс «организовать» страну. Он спросил Трумэна, не хочет ли тот присоединиться к его личному протесту, текст которого он прилагает. В этом послании, объясняющем причины тревоги и протеста, утверждалась озабоченность судьбой Австрии всех четырех союзников, которые должны осуществлять контроль над ней. Поэтому, говорилось в нем далее, британское и американское правительства считают чрезвычайно важным, чтобы их представителям было позволено тотчас же прибыть в Вену для того, чтобы доложить о ситуации раньше, чем в Европейской консультативной комиссии будет заключено соглашение по вопросу оккупации и контроля в стране, особенно в Вене. Трумэн счел лучшим не выражать протеста в форме совместной декларации. В тот же день он дал указание американскому посольству передать Сталину послание, перекликающееся с посланием Черчилля. Указание было выполнено.

В ответе на два письма Кеннана, отправленных 30 апреля и 1 мая, Вышинский защищал действия Советского Союза, признавшего правительство Реннера на том основании, что советские войска, находящиеся в Австрии, не могут обойтись без структуры, организующей местное население. Новое временное правительство сформировано по соглашению между лидерами всех нефашистских демократических партий в Австрии; предполагалось, что позже будет образована Союзная контрольная комиссия для наблюдения за австрийским правительством.

В письме Кеннану от 6 мая Вышинский дал отрицательный ответ и на остальные требования. В нем говорилось, что, когда Сталин соглашался на приезд в Вену американского и британского представителей, он был уверен, что необходимое соглашение о зонах ответственности будет заключено до их прибытия. Но, отмечалось в письме, к несчастью, этого не произошло. Затем, неправильно истолковав мысль американцев, Вышинский объяснил, что советское правительство не может согласиться на обсуждение проблемы зон в Вене, так как она находится в компетенции Европейской консультативной комиссии; и, наконец, советское правительство находит неубедительным заявление, будто переговоры в Европейской консультативной комиссии не могут быть должным образом завершены до тех пор, пока представители не придут в Вену, ссылаясь на то, что зоны в Германии и Берлине были определены прежде, чем союзные войска вошли в Германию.

Чтобы ускорить повествование, скажем заранее, что требуемый ответ Сталин дал лишь через десять дней после капитуляции немцев. 16 мая, после того как было подписано соглашение о процедуре отвода войск из каждой оккупационной зоны в Германии и Австрии, Трумэн дополнил послание Черчилля своим собственным.

Он говорил, что не может понять, почему Советский Союз против прибытия в Вену британского и американского представителей для заключения соглашения об оккупации, все еще находившегося на рассмотрении в Европейской консультативной комиссии. Грамотному управлению зонами в Вене, утверждал он, может очень помочь рассмотрение и обсуждение возникающих вопросов на месте военными властями, которые будут ответственны за осуществление этого управления. 18 мая Сталин ответил, что он против обсуждения в Вене вопроса о зонах оккупации и других вопросов, касающихся ситуации в Австрии, но согласен на визит представителей союзников с целью ознакомления с ситуацией и подготовки предложений Европейской консультативной комиссии, о чем дал соответствующие указания командующему Красной армией в Австрии. Это было все, чего от него постоянно просили. Трумэн фактически признал уступку. И наконец, надо добавить, американцы и британцы были удовлетворены разумным разделением Вены на зоны. Но я забежал вперед, пропустив некоторые вопросы о коалиции, омрачившие недели до и после капитуляции немецкой армии, и сейчас должен к ним вернуться.

Опасный конфликт из-за провинции Венеция-Джулия

Попытка партизан Тито укрепиться в северо-западной части Италии – в провинции Венеция-Джулия, включая и порт Триест, – была еще одной возможной причиной чувствительного конфликта внутри коалиции после капитуляции Германии.

Видимо, необходимо сделать некоторые пояснения. Регион Венеции-Джулии, как он стал называться, перейдя в состав Италии, до 1918 года находился в пределах земель Австрийской империи и Королевства Венгрии. Граница, установленная несколькими соглашениями в 1920–1924 годах, была выбрана из стратегических соображений. Она проходила от Монте-Форнио по австрийской границе вдоль кряжа Альп в Джулии, к юго-востоку, через нагорье Карсо (Каре), на расстоянии мили от моря у начала залива Кварнера, где поворачивала на несколько миль восточнее, охватывая железнодорожную линию из Италии в Фиуме до самого бывшего порта Фиуме. Она включала в себя город Триест и полуостров, находящийся на юге и известный под австрийским названием Истрия, а также различные острова Адриатики. Если верить этому осторожному источнику, около 400 000 югославов остались на итальянской стороне.

К этому времени Тито со своими сторонниками имел неограниченную власть над вооруженными силами Югославии и гражданским населением в регионах, освобожденных от немцев. Молодой король Петр после столь долгого промедления, что Тито чуть было не обвинил его в преступлениях и не отдал под суд, согласился на предложенные назначения в регентский совет. Регентство было объявлено 5 марта, тогда же коалиционное правительство, сформированное по соглашению между Тито и Шубашичем, официально вступило в должность.

В начале апреля Тито в сопровождении Шубашича, своего министра иностранных дел, отправился в Москву. Там 11 апреля он подписал двухсторонний пакт, подобный пакту Чехословакии с Советским Союзом. Не было предпринято никаких шагов для того, чтобы наделить новое правительство законодательной властью, как рекомендовалось в Ялте. Члены югославского правительства, приехавшие из Лондона, не способные реорганизовать свои политические группы, оказались маловлиятельными и забеспокоились. Одностороннее коалиционное правительство Югославии находилось на грани распада.

В беседе с Александром в конце февраля Тито подчинился требованию передать управление всей провинцией Венеция-Джулия верховному союзному командующему. Он сказал, что согласен, чтобы союзное военное правительство (иногда называемое по инициалам АМГ, а иногда по кодовому названию АМГОТ) несло административную ответственность за провинцию, при условии что местные югославские власти, уже управляющие некоторыми территориями, останутся на своих местах. Это не должно мешать действиям союзного правительства.

Впоследствии, 19 марта, американское правительство проинформировало Молотова, что оно поддержало договор, по которому до мирного урегулирования провинцией должно полностью управлять АМГ. Это сделано из опасения, что независимые действия одного из претендентов (Италии и Югославии) помешают принять справедливое окончательное решение. Американское правительство надеется, что советское правительство согласится с подобным способом разрешения ситуации. Дело в том, что это не просто пограничный спор между Италией и Югославией; это принципиальный вопрос, который касается мирного урегулирования территориальных споров и основ прочного мира в Европе. Несколько недель Молотов ничего не отвечал. Тито после своего визита в Москву ясно дал понять, что не собирается следовать соглашению, которое, как считал Александр, он принял.

К концу апреля назрел конфликт, так как немецкие войска в Северной Италии начали сдаваться. Партизаны и отряды Тито захватили Триест и оккупировали всю провинцию Венеция-Джулия. Тито направил их туда в спешке, отложив до лучших времен разгром немцев, оставшихся в юго-западной части Югославии. Генерал Александр готовился направить войска туда же, как только немцы капитулируют в Италии.

27 апреля Черчилль проконсультировался с Трумэнном. «Мне кажется жизненно

важным, – утверждал он, – дойти до Триеста, если нам удастся сделать это предложенным способом (то есть войскам Александра), и пойти на риск, присущий подобным политико-военным операциям». Он напомнил о твердом убеждении Рузвельта, что Триест должен быть международным портом, то есть выходом в Адриатику для всего бассейна Дуная. И он сделал вывод, что если такая возможность представится, то «предстоит многое сделать прежде, чем там похозяйничают партизанские отряды Тито. Поэтому мне кажется, что мы не можем ждать ни минуты. Фактический статус Триеста должен быть определен незамедлительно. Собственность является девятью пунктами закона. Умоляю Вас как можно скорее принять решение. В Вашингтоне длительное время медлили с планом оккупации англичанами и американцами Венеции-Джулии, и в результате фельдмаршал Александр до сих пор не получил никакого приказа. Я был бы крайне признателен, если бы Вы лично уделили внимание этому вопросу».

Трумэн, проконсультировавшись с Объединенным советом начальников штабов, 29 апреля информировал Черчилля, что, как он понимает, Объединенный комитет осуществляет с его одобрения идею Черчилля в отношении Триеста и других регионов, недавно находившихся под властью Италии, *из соображений военной необходимости*. Предположительно имелась в виду необходимость контролировать порт Триест, морскую базу в Пуле и железную дорогу на севере с целью защиты военных коммуникаций с союзными войсками в Австрии. Но подлинная инструкция, направленная Объединенным комитетом Александру, представляла собой запутанный клубок: похоже, она предписывала ему одновременно идти вперед и сформировать союзное военное правительство в этих регионах; сделать это, в случае военной необходимости, не дожидаясь согласия Советского Союза и Югославии; если югославские войска будут сопротивляться, прежде чем предпринять какие-либо дальнейшие действия, связаться с Объединенным комитетом. Эта сверхсекретная директива Александру (FAN-536) не была опубликована. Трумэн в мемуарах резюмирует ее содержание, не упомянув, однако, о том условии, что Александр должен был связаться с Объединенным комитетом прежде, чем предпринимать какие-либо действия, если югославские войска откажутся сотрудничать. Это, правда, подробно записано в меморандуме, составленном исполняющим обязанности государственного секретаря Грю после разговора с президентом Трумэном в Белом доме 30 апреля; а Трумэн обратил внимание премьер-министра на это положение директивы в своем послании от 30 апреля.

Эта директива показалась Черчиллю неубедительной и недостаточно ясной. 30 апреля он информировал Трумэна, что военная часть программы ему нравится. Но он не верил, что югославы, за которыми стоит советское правительство, согласятся на вступление войск Александра и взятие под контроль Венеции-Джулии. Он предсказал, что югославы попытаются захватить эту территорию, предъявить свои права и занять порты Триест, Пулу и Фиуме, а может быть, и больше. Американцы и британцы, подчеркнул он, успокоили Сталина относительно капитуляции немцев в Италии.

Но они никогда не брали на себя обязательств согласовывать с югославами и русскими продолжение наступления своих войск с целью освобождения Италии и регионов Адриатики и докладывать им о действиях, которые считают нужным предпринять наши командующие. Мы, утверждал он, имеем точно такое же право войти в Триест, если сможем до него дойти, как русские имеют право пробить себе дорогу к Вене. «Поэтому я надеюсь, – заметил он, – что Александру будет предоставлена возможность как можно быстрее и в обстановке как можно более строгой секретности выполнить план, одобренный Объединенным комитетом. А самое главное, мы попытаемся завладеть Триестом с моря прежде, чем проинформировать русских и югославов, если, разумеется, главнокомандующий сочтет, что план можно успешно выполнить с помощью десантных и других войск, находящихся в его распоряжении...»

Премьер-министр рассудил, что это внесет дополнительную гармонию в американо-британско-итальянские отношения, расколет и сделает неэффективным коммунистическое движение в Италии, особенно в Северной Италии. Будет шоком, предсказал он, когда

американские войска отступят на расстояние ста двадцати миль вдоль нескольких сот миль Западного фронта и советские войска захватят эти регионы Центральной Германии. Шок будет еще сильнее, если в это же время югославы оккупируют всю Северную Адриатику. Поэтому он умолял Трумэна позволить ему провести эти операции в официально признанной зоне действия американо-британских войск, не раскрывая никаких планов; он считал, что в этом конкретном случае мы имеем право сначала действовать, а потом объяснять.

30 апреля Трумэн тотчас же созвал заседание в Белом доме. Как раз перед началом дискуссии доложили, что югославские партизаны уже заняли порты Триест и Пула. Президенту не нравилась перспектива захвата югославами столь жесткого контроля над этим регионом. Он понимал, что будет трудно, а вероятно, и невозможно ослабить этот контроль. Но на этот раз он так же, как и Рузвельт, не хотел жертвовать жизнями американских солдат в борьбе за этот регион. В этом он разделял тревогу генерала Маршалла. Маршаллу и его штабу было поручено заниматься лишь военными проблемами, и он мог бы полностью оставаться в стороне от ситуации. В телефонном разговоре с Грю Стимсон утверждал: «Штаб полагал, что мы, скорее всего, сначала вступим в конфликт с Тито, но в штабе знают, что в этом вопросе Тито поддерживают русские».

Маршалл постоянно напоминал Трумэну, что мы заинтересованы в сотрудничестве с Советским Союзом на Тихом океане и что военные не хотят, чтобы части, которые планируется быстро перебросить на Тихий океан, задерживались на Балканах. Но Стимсон был готов согласиться с политикой Государственного департамента, противоречащей желанию штаба армии.

Ответ Трумэна Черчиллю, подготовленный Государственным департаментом 30 апреля и отправленный в тот же день, в сущности, предоставлял Александру свободу до тех пор, пока это не выльется в борьбу с югославами. Он не гарантировал поддержку американцев на случай столкновения с Тито. Трумэн согласился, что «в той фазе операции, пока он [Александр] пытается установить свои линии сообщения с Австрией и установить контроль над Триестом и Пулой, нет необходимости требовать предварительного согласия русских. Прежде чем части Александра войдут в Венецию-Джулию, он должен информировать маршала Тито о своих намерениях и объяснить ему, что, если какие-нибудь югославские части останутся на этой территории, они обязательно должны перейти под командование Александра. FAN-536 предписывает Александру выяснить, не отказываются ли сотрудничать югославские части, и связаться с Объединенным комитетом прежде, чем предпринимать дальнейшие действия в этом регионе. Я считаю это важным, так как хочу избежать использования американских войск в борьбе с югославскими войсками или использования их в борьбе на балканской политической арене».

Александр пошел дальше и приказал британским дивизиям, находящимся под его командованием, обеспечить защиту Триеста. морского рейда в Пуле и путей сообщения между Италией и Австрией. 1 мая он так рассказал Тито о своих планах: «Они похожи на те, что мы обсуждали в Белграде... Полагаю, что все Ваши части, находящиеся в этом регионе и причастные к операции, перейдут под мое командование, как Вы предлагали во время наших переговоров в Белграде, и что теперь Вы выпустите распоряжения, касающиеся этого вопроса».

В то же время он доложил Черчиллю, что войска Тито сражаются в Триесте и стремятся оккупировать большую часть полуострова Истрия. «Я совершенно уверен, что он не отведет свои части, если получит такой приказ, если только русские не прикажут ему сделать это». Он добавил, что, если Объединенный комитет прикажет ему занять всю Венецию-Джулию, ему придется сражаться с югославской армией, которая, безусловно, будет иметь моральную поддержку русских. Смысл этого послания заключался в том, чтобы предупредить выпуск подобного приказа.

2 мая британские (новозеландские) части встретились в Триесте с югославскими войсками. Они приняли капитуляцию немецкого гарнизона, что надеялся осуществить Тито, и беспрепятственно заняли доки. Югославские партизаны удерживали центр города.

Александр направил подразделения в города Монфальконе и Горицию, к северу от Триеста, где уже всю хозяйничали югославские партизаны. Они призывали итальянцев на насильственные работы, захватывали банки и другую собственность, переименовывали улицы. мстя итальянцам за участие в войне на стороне фашистов.

6 мая Черчилль поддержал Александра следующими словами: «Вы, безусловно, имеете право идти так далеко и так быстро, как только можете, пока не вступите в контакт с русскими или югославскими войсками...»

Части Тито продолжали удерживать всю территорию до реки Изонцо, что составляло девяносто пять процентов всей Венеции-Джулии. Они даже пытались установить гражданскую власть в примыкающей части Удине, итальянской провинции к западу от Венеции-Джулии.

Такова была угрожающая ситуация в регионе, когда ранним утром 7 мая немцы подписали в Реймсе полную капитуляцию. Заглянем снова немного за горизонт этого повествования: Трумэн и Черчилль, а также их военные и гражданские советники собрались вместе с целью ограничить власть Тито. 11 мая Трумэн отправил Черчиллю послание, более решительное по тону, чем все предыдущие. Он сказал, что его все больше тревожат действия Тито в Венеции-Джулии и он боится, что, если действия Тито увенчаются успехом, идентичные требования уже готовы для Южной Австрии (Каринтии и Штирии) и, вероятно, существуют подобные планы относительно частей Венгрии и Греции. Следует ли, спрашивал президент, позволять нашим союзникам заниматься «бесконтрольным захватом земель»?

Имеется в виду следующее. Югославские партизаны занимали пограничные регионы Австрии, и Тито стремился иметь в Австрии свою оккупационную зону. Советское правительство просили отговорить его от этой претензии, но 16 апреля Вышинский сказал Кларку Керру, что, по мнению советского правительства, Югославия имеет полное право участвовать в этой оккупации, и намекнул, что югославские войска могут занять часть советской зоны в Австрии. Британцы воспротивились по нескольким причинам, в том числе и потому, что это повлияет на обсуждение требований Югославии на мирной конференции. Тогда 12 мая Тито предложил, чтобы югославские войска остались в Австрии, но под командованием генерала Александра. 16 мая американское и британское правительства ответили отказом и попросили Тито соблюдать границу 1937 года и вывести свои войска из Австрии.

Президент считал, что минимум, на чем будут настаивать американское и британское правительства, – это получение Александром полного и исключительного контроля над Триестом и Пулой, путей сообщения через Горицию и Монфальконе и административного контроля над регионом немного восточнее от этой границы. В качестве первого шага он предложил, чтобы американский и британский послы представили на рассмотрение Тито ноты, требующие от югославского правительства немедленного согласия с этим планом. Тито должен был дать указания своим войскам, находящимся в этом регионе, сотрудничать с союзным командующим с целью создания там военного правительства, находящегося в его подчинении.

Черчилль поспешил ответить, что он согласен с каждым словом послания Трумэна и даст указание британскому послу в Белграде постоянно «идти в ногу» с американским послом. Он не сомневался, что, если войска под командованием Александра, в том числе и семь американских дивизий, будут предоставлены в его распоряжение в случае военных действий против югославов, он будет в состоянии проводить любую политику, которую могут потребовать оба правительства.

В дни после капитуляции немцев эта ситуация представляла еще одну опасность для устойчивости коалиции и сохранения ее совместных планов, касающихся контроля над вражеской территорией, миротворчества и сохранения мира. Это было еще одной проблемой, по которой Трумэну вскоре предстояла консультация со Сталиным с целью проверить его готовность к сотрудничеству: и еще одной причиной, по которой Черчилль

полагал, что американско-британские силы в Европе в полном составе должны пока оставаться на месте и быть готовыми в любой момент отразить удар. Это он доказывал в течение нескольких недель.

Омраченная победа: Европа; Черчилль твердо намерен противостоять России

Как уже было сказано, в середине апреля Черчилль начал настаивать на продолжении наступления на западе, но так, чтобы не встретиться с Красной армией. В послании Трумэну от 18 апреля он также призывал, чтобы американские и союзные части удерживали занятые позиции до тех пор, пока не будет заключено удовлетворительное соглашение с советским правительством и мы не получим гарантий адекватности намерений Советского Союза относительно Германии и Австрии. Он стремился делать различие между «тактическими» и «оккупационными» зонами. Тактические зоны он определил как зоны, «...где наши части должны остановиться на линии, до которой дойдут в ожидании, пока не будет подписано соглашение о лучшей тактической расстановке сил против непрекращающегося сопротивления врага». Эти зоны можно распределить непосредственно между военными властями. Оккупационные зоны должны удерживаться национальными контингентами союзников во время периода оккупации и контроля над Германией и определяться официальным соглашением между тремя союзниками.

В этом послании, как было указано ранее, Черчилль заметил, что зоны оккупации были довольно поспешно очерчены в Квебеке в сентябре 1944 года, когда все предполагали, что армии генерала Эйзенхауэра совершат мощное вторжение в Германию. Прочитанная вами книга показала, что на самом деле восточные зоны устанавливались за много месяцев до этого, а в Квебеке лишь было заключено официальное соглашение.

Премьер-министр писал, что он готов твердо придерживаться распределения зон. Но он не хотел, чтобы союзные части «...где-нибудь были отброшены каким-либо грубым распоряжением местного русского генерала». Этот вопрос следует уладить с помощью соглашения между правительствами. Наступление может подождать – и тут премьер-министр сказал самое главное – до создания Союзной контрольной комиссии в Германии и до тех пор, пока русские не согласятся поделить запасы продовольствия, сосредоточенными в их зоне оккупации, с остальными зонами.

Письмо, которое Эйзенхауэр отправил Маршаллу 23 апреля после того, как премьер-министр поднял этот вопрос, объясняет, почему ему было разрешено приостановить наступление и почему тревожился Черчилль. Вот что говорится в части, относящейся к этому вопросу:

«Я не совсем понимаю, почему премьер-министр столь решительно настроен смешивать политические и военные соображения в попытке установить процедуру взаимодействия с русскими во время встречи. Моя первоначальная рекомендация, представленная на рассмотрение Объединенного комитета, была проста и, как я полагал, разумна. Составляя это предложение, я больше всего беспокоился, что русские смогут дойти до Датского полуострова прежде, чем мы сумеем пробиться к Эльбе, и хотел выработать такую формулу, чтобы они по моему требованию освободили этот регион. Единственная территория, на которой мы окажемся в русской оккупационной зоне, сейчас удерживается американскими войсками. Я не думаю, что русские, повинувшись одному лишь капризу, потребуют немедленно вывести оттуда наши части...»

Трумэн, для которого этот спорный вопрос оказался новым, последовал совету Объединенного совета начальников штабов. 23 апреля он представил на рассмотрение Черчилля ответ, подготовленный группой начальников штабов, который они оба отправят Сталину. В нем предлагалось, чтобы наши части в Австрии и Германии отступили к своим зонам, как только позволит военная ситуация. Предлагалась следующая процедура занятия

зон, которой должны следовать вооруженные силы трех стран: каждый командующий, готовый ввести войска в какую-либо часть своей зоны, занятую другими союзными частями, должен сообщить своему правительству, на какой сектор он нацелен. Его правительство должно проконсультироваться с двумя остальными, чтобы выпустить необходимые инструкции по эвакуации населения и занятию зоны частями той страны, которой принадлежит зона.

Черчилль возразил, что эта процедура может дать русским возможность в любой момент отеснить американские и британские войска в их оккупационные зоны, невзирая на военную обстановку. Последовала еще одна дискуссия, в ходе которой Трумэн по совету Объединенного совета начальников штабов одобрил большую часть изменений, на которых настаивал Черчилль. Однако он настаивал, чтобы в деле урегулирования любых важных вопросов Эйзенхауэр опирался на решения Объединенного комитета, а не гражданских глав государств. 27 апреля Черчилль представил на рассмотрение Сталину исправленный проект процедуры, и в тот же день Трумэн подтвердил свое согласие с этим документом. В проекте предлагалось, чтобы, пока война продолжается, границы между войсками трех союзников определялись командующими, которые руководствуются оперативными соображениями. Сталина уведомили о полученных Эйзенхауэром инструкциях, касающихся поведения армий при встрече друг с другом (остановиться там и тогда, где они встретятся); и о расположении его сил после окончания военных действий в этом регионе (в соответствии с требованиями военного времени, невзирая на границы зон). Одновременно Сталина попросили дать такие же инструкции советским командующим. В послании утверждалось, что после окончания военных действий следующей задачей должно быть формирование союзных контрольных комиссий в Берлине и Вене и перегруппировка сил союзников с целью занятия ими своих оккупационных зон. В том случае, если не будет выработано никакого официального механизма капитуляции, а премьер-министр заметил, что его, по-видимому, не будет, он предложил правительствам создать эти комиссии незамедлительно и поручить им составить подробные соглашения по перегруппировке сил в их зонах.

Сталин 2 мая ответил, что советские командующие проинструктированы на случай встречи их частей с частями союзников. Им приказано тотчас же договориться с американским и британским командованием о «временной тактической демаркационной линии». Остальную часть предложения, согласно которому предлагалось поручить урегулирование отвода войск в соответствующие зоны контрольным комиссиям, он проигнорировал.

Получив этот ответ, Черчилль в письме к Идену, находившемуся в Сан-Франциско, излил душу, полную мрачных опасений. Из этих сетований видно, как расширился ряд спорных вопросов, которые надо было уладить с советским правительством, прежде чем американские и британские части отойдут в отведенные им зоны:

«Боюсь, во время наступления русских по Германии к Эльбе произошло нечто ужасное. Предложенный отход армии Соединенных Штатов в оккупационные зоны, о котором русские и американцы договорились в Квебеке... означал бы расширение господства русских на 120 миль вперед на фронте протяженностью от 300 до 400 миль. Это событие, если оно произойдет, будет одним из самых печальных в истории». В качестве одной из контрмер, которые можно использовать для мирного урегулирования проблемы, он предложил следующее: *«Во-первых, союзники не должны отходить со своих нынешних позиций к границам оккупационных зон: а) пока не будет удовлетворительно решен польский вопрос; б) пока не будет согласован характер временной оккупации Германии русскими; в) пока не будут обсуждены порядки, которые предполагается установить в русифицированных или находящихся под контролем русских странах долины Дуная, особенно в Австрии и Чехословакии и на Балканах (курсив Черчилля. – Примеч. авт.). Во-вторых, возможно, русские захотят при общем урегулировании получить выходы из Черного и Балтийского морей. Все эти вопросы должны быть решены прежде, чем в Европе начнется сокращение войск*

Соединенных Штатов...»

Два дня спустя, когда немецкие послы направлялись в Реймс подписывать акт окончательной капитуляции, Черчилль в самой недвусмысленной форме изложил Трумэну свои предложения о предполагаемой перегруппировке сил. Он предложил президенту, что, пока не встретятся три главы правительств, а это должно произойти как можно скорее, «...мы должны твердо придерживаться существующих позиций, занятых или занимаемых нашими войсками в Югославии, Австрии, Чехословакии, на главном Центральном фронте Соединенных Штатов и на Британском фронте, простирающемся до Любека, включая Данию... (Курсив Черчилля. – Примеч. авт.) Поэтому я считаю, что мы должны самым серьезным образом обдумать наше отношение к Советам и показать им, как много мы можем дать или отнять».

В последующие несколько дней он неоднократно представлял на рассмотрение Трумэну свои предложения. Например, в знаменитом послании о «железном занавесе» он сделал такие выводы: «Разумеется, сейчас жизненно важно прийти к соглашению с Россией или понять наши истинные отношения с ней, прежде чем мы смертельно ослабим наши войска или отступим к зонам оккупации. Это может быть сделано только при личной встрече. Я был бы Вам очень признателен за Ваше мнение и совет...»

Ни один из специалистов в американском правительстве, принимающих решения, как гражданских, так и военных, не отреагировал на эти настойчивые требования. Никто не был готов отказаться от прошлой политики и намерений и, следуя курсу, который предлагал Черчилль, удерживать многочисленные американские войска в Европе, пока советское правительство не удовлетворит наши желания и успокоит наши тревоги. Президент и его советники сочли это нецелесообразным, неэффективным и непрактичным. Нецелесообразным потому, что это могло вместо мирного урегулирования спровоцировать конфликт с советскими властями. Неэффективным потому, что советские войска могли выгнать нас из Берлина и Вены, приостановить действие контрольных комиссий в этих двух странах и навязать волю Советского Союза Польше и Чехословакии. Непрактичным потому, что американцы ждали быстрого возвращения солдат-ветеранов из Европы, и потому, что Военный департамент готовился к переброске войск из Европы для ведения военных действий против Японии.

В последних, апрельских, докладах о возможности создания атомного оружия проскальзывала надежда. 25 апреля Стимсон прочел Трумэну меморандум, одобренный генералом Гроувзом, в котором говорилось: «В течение четырех месяцев мы, по всей вероятности, получим самое ужасное оружие, когда-либо известное в истории человечества. Одной бомбой можно будет уничтожить целый город». Вскоре предстояли окончательные испытания, и те немногие, кто знал об этом, считали, что следует подождать их результатов и предоставить им самим говорить за себя. Поэтому, если окажется неизбежным столкновение с Россией, а возможно, и переход к войне, пусть это произойдет после того, как нам и всему миру станет известно об этом новом оружии. Пока же Трумэн был склонен искать пути урегулирования всех спорных вопросов, ведя переговоры и веря в возможность их осуществления, а не угрожая Советскому Союзу новым мощным оружием. Это побудило его ответить Черчиллю, что он против силовых шагов в отношении России.

Итак, 14 мая он отклонил просьбы Черчилля, мягко ответив, что следует подождать развития событий, прежде чем одобрять курс, предлагаемый премьер-министром.

В этот же день Стимсон подробно информировал Идена, который находился в Вашингтоне, о том, как продвигается работа, о перспективах и планах испытания атомной бомбы.

К тому времени новому президенту уже стал ясен удручающий масштаб разногласий с Советским Союзом. На переговорах с Молотовым его поразило твердое желание советской правящей верхушки действовать по-своему. Но различные причины побуждали его действовать сдержанно. Военный департамент по-прежнему настаивал на своевременном

вступлении Советского Союза в войну на Тихом океане, чтобы избавить нас от лишних потерь и страданий. Государственный секретарь, находящийся в Сан-Франциско, советовал президенту не давить и не мстить русским, пока не закончится конференция и не будет написана хартия будущего устройства мира. Не исключалась возможность, что Молотов и остальные неверно информируют Сталина, будто Соединенные Штаты и Великобритания пытаются лишить Советский Союз плодов победы.

По всем этим причинам и при таких обстоятельствах Трумэн считал опрометчивым рисковать коалицией, даже не попытавшись в ходе дальнейших дискуссий выяснить, может ли Сталин пойти на уступки в отношении Польши и в других спорных вопросах ради дружбы с Западом. Это мнение разделяла со своим президентом и большая часть американского народа. Он, как и сам президент, по-прежнему относился к Советскому Союзу как к соратнику по борьбе против общего врага. Американские власти много сделали для того, чтобы поддерживать эти настроения, и мало для того, чтобы дать понять своему народу глубину и значительность разногласий с Москвой. Народ был не готов к столь крутому повороту в отношениях с Советским Союзом, повороту от дипломатии дружбы к резкой дипломатии силы и власти, а при необходимости и к применению оружия. Народ был совершенно не готов к продолжению борьбы за свободу европейских народов и сохранению стратегической позиции и баланса сил против союзной коалиции, для выживания которой он столько сделал.

Омраченная победа: Дальний Восток

Интерес к предстоящим событиям на Тихом океане в Соединенных Штатах стал возрастать. Американское правительство было не на шутку обеспокоено, во что выльются контракты и контакты с Советским Союзом в этом регионе, особенно в Китае. Поведение русских давало повод сомневаться, следует ли нам готовить почву для вступления Советского Союза в войну на Дальнем Востоке, вынуждая Чан Кайши сотрудничать на основании решений Ялтинской конференции.

Постепенно крепла уверенность в том, что американцы без больших усилий и людских потерь смогут одолеть Японию сами, даже если Советский Союз не вступит в войну на Тихом океане. Планы Объединенного комитета начальников штабов все больше и больше отображали твердое намерение окончательно разгромить Японию без русских и без атомной бомбы. 24 апреля Объединенный комитет начальников штабов счел две основные причины желательного вступления Советского Союза в войну спорными и не стоящими предстоящих затрат. Требование использовать в Приморье авиабазы для бомбардировщиков «В-29», к чему так долго и усердно стремились, было отменено. Генерал Дин убедился, что при всех благоприятных условиях советские власти не сумеют меньше чем за год построить и оснастить авиабазы на Амуре. Учения показали, что, даже если приложить грандиозные усилия и послать на эти базы самолеты, людей и продовольствие, объем взрывчатки, который за год можно будет сбросить на японские острова, взлетая с этих баз, будет лишь малой частью того, что можно сбросить, взлетая с других баз, находящихся под нашим контролем. Проект открытия Северного морского пути через Курилы для поддержки наступления Советского Союза из Маньчжурии также был отложен.

Но помощь Советского Союза даже в этом случае все равно была нужна, хотя бы для того, чтобы уменьшить людские потери и сократить сроки войны. Битва за Окинаву продолжалась. Несмотря на многочисленность и значительную оснащенность, американские части несли тяжелые потери. Японцы отважно сражались и умирали в траншеях и блиндажах. Камикадзе-торпеды, а их были сотни, представляли собой для наших кораблей угрозу, от которой не было никакой защиты. Японская армия в Маньчжурии ошибочно считалась по-прежнему превосходной и обеспеченной ресурсами на долгую и тяжелую битву в этом регионе. Поэтому командование надеялось, что появление несметных сил с севера заставит японских военачальников дрогнуть, а японское правительство – принять условия

безоговорочной капитуляции еще до вторжения на острова. Объединенный комитет начальников штабов не исключал возможности, что поставленной цели можно достичь морской и воздушной блокадой и атаками, но не хотел строить свои планы на этом основании. Доклады о разработке атомного оружия не заставили его передумать; несмотря на ужасные описания результатов испытаний, поступившие в последнее время, ничто не предвещало возможность нанесения окончательного удара. Поэтому, повторяю, желание, чтобы Советский Союз в ближайшее время принял участие в войне на Тихом океане, оставалось в силе.

Но Государственный департамент и посольство в Москве уже начали задумываться о последствиях победы на Дальнем Востоке, значительная доля которой принадлежала бы Советскому Союзу. Посол Хэрли, остановившись в Москве на обратном пути в Чунцин, пересмотрел вместе со Сталиным цели Советского Союза на Дальнем Востоке. Его доклад обнадеживал. В послании в Вашингтон от 17 апреля он резюмировал: «Маршал... хотел поставить нас в известность, что мы получим полную поддержку в незамедлительном объединении вооруженных сил Китая с полным признанием национального правительства под руководством Чан Кайши. Короче, Сталин безоговорочно согласился с политикой Америки в отношении Китая».

Но у Гарримана, участвовавшего в этих переговорах, сложилось иное впечатление. Почти сразу же, как было произнесено последнее слово, он вылетел обратно в Вашингтон и предупредил Трумэна и Государственный департамент, что, по его мнению, Хэрли слишком доверчиво относится к заверениям Сталина. Кеннан, оставшийся в московском посольстве за Гарримана, выразился еще более скептически. «Будет трагично, – заметил он в послании, последовавшем за докладом Хэрли, – если наше естественное беспокойство о поддержке Советского Союза в настоящий момент, связанное со словами Сталина, имеющими для всех колоссальное значение, и его осторожной приветливостью, приведут нас к излишней уверенности в помощи Советского Союза или даже в его неохотном согласии на достижение наших долгосрочных целей в Китае». Его анализ почти вылился в решительное заявление, что советское правительство не будет удовлетворено, если ему не будет гарантировано господство в Маньчжурии, Монголии и Северном Китае.

Столкнувшись с необходимостью решить, рассказать ли Т.В. Суню, министру иностранных дел Китая, находящемуся в Сан-Франциско, о по-прежнему секретном Ялтинском соглашении, Государственный департамент обратился за советом к военным. 12 мая исполняющий обязанности государственного секретаря Грю, находясь под впечатлением от рассказа Гарримана о намерениях Советского Союза, задал несколько вопросов главам Военного и Морского департаментов. Первый, в сущности, звучал так: представляет ли вступление Советского Союза в войну на Тихом океане жизненно важный интерес для Соединенных Штатов, чтобы отказаться от попытки заранее получить согласие Советского Союза на достижение некоторых политических целей на Дальнем Востоке? Второй вопрос: должно ли решение Ялтинской конференции, касающееся политических притязаний на Дальнем Востоке, быть пересмотрено или выполняться полностью или частично?

Стимсон и Форрестол отчаянно искали ответ. Стимсон видел ситуацию так: проект атомной бомбы вполне может быть доминирующим фактором в путанице стоящих перед ними важных вопросов. Но результат испытаний будет известен только через несколько недель, а в дипломатии игра при таких высоких ставках без старшей карты казалась ужасной.

Между тем доклады атомщиков становились все более уверенными. 23 апреля британский технический советник Объединенного политического комитета по атомным делам информировал британского министра, отвечающего за британскую часть проекта, что оружие наверняка будет готово к концу лета. Неделю спустя фельдмаршал Уилсон, который, как глава британской Объединенной миссии штабов в Вашингтоне, присутствовал на заседании политического комитета, информировал Лондон, что «американцы собираются сбросить бомбу примерно в августе».

Поэтому ответы Стимсона и Форрестола от 21 мая предоставили право принять

решение президенту и Государственному департаменту. Из их умеренных глубин можно выудить некоторые полезные, но не окончательные суждения: 1) Россия будет решать, вступать ли в войну и когда это сделать, на основании собственных расчетов, невзирая на политическую деятельность Америки; 2) Россия может выбирать: ждать, пока американские войска почти разгромят японцев, или как можно скорее начать военные действия, чтобы спасти жизни американцам; 3) Россия в любом случае будет обладать такой военной мощью, чтобы взять то, что было обещано в Ялте, за исключением, может быть, Курильских островов. Попытка американцев захватить их с самого начала будет осуществляться за счет других планов и стоить бесчисленное множество американских жизней; 4) с военной точки зрения не может быть возражений против пересмотра Ялтинского соглашения, что поможет достигнуть дальнейшего взаимопонимания; 5) желательно получить обязательства и пояснения политики в отношении Советского Союза, которые потребует Государственный департамент.

В результате консультации американское правительство пришло к следующим выводам: нам не следует нарушать Ялтинское соглашение или пересматривать его условия, но прежде, чем просить Чан Кайши о сотрудничестве, надо постараться заставить Сталина одобрить защитные принципы. Мы снова проверим, действительно ли советское правительство намерено позволить национальному правительству Китая управлять всем Китаем и Маньчжурией и будет ли оно активно помогать нам осуществлять политическое и военное объединение Китая.

Ответы на эти вопросы помогли бы определить, будет ли заключительная фаза войны против Японии проводиться в согласии с Советским Союзом или выльется в соревновательную схватку, что, вероятно, закончится ссорой, которая подорвет силы коалиции еще до заключения мира в Европе и до первой встречи Объединенных Наций.

Порыв помочь в восстановлении в Советском Союзе идет на спад

Чтобы завершить рассказ о том, как повернулись отношения между Западом и Советским Союзом по окончании войны в Европе, надо отметить еще один фактор – желание верить, что Запад внесет существенный вклад в восстановительные работы в Советском Союзе. Оглянувшись задним числом на дискуссии по этому вопросу, имевшие место во время войны, можно увидеть, как к маю 1945 года выросло взаимное непонимание этого вопроса.

Сталин и его сподвижники, в соответствии с марксистско-ленинской доктриной, полагали, что по окончании войны капиталистические общества пройдут через кризис адаптации и огромной безработицы. Следовательно, считали они, Соединенные Штаты только из чувства самосохранения будут стремиться посылать в Советский Союз свои продукты на почти любых условиях займа.

Эти заблуждения остались и после переговоров Сталина и Микояна, советского наркома внешней торговли, с гостями из американских деловых кругов. Например, когда Дональд Нельсон, недавно ушедший в отставку глава Военно-промышленной палаты, в октябре 1943 года посетил Москву, он сказал Сталину, что Соединенные Штаты будут производить дополнительное количество основного вооружения и оборудования, необходимого России. На вопрос Сталина, считает ли он, что Советский Союз может получить это в кредит, Нельсон ответил, что, по его мнению, можно выработать соглашение, по которому в первые послевоенные годы выплаты будут минимальными, а по мере того, как Советский Союз обретет былую силу и платежеспособность, они возрастут. Сталин назвал продукты, больше всего необходимые России. Нельсон заявил, что Соединенные Штаты могут обеспечить их поставку. Он пообещал, что по возвращении в Соединенные Штаты посоветует президенту поручить группе американских бизнесменов встретиться с советскими представителями и выработать план торговли и обмена с Советским Союзом. Сталин чуть не просиял.

Но Хэлл полагал, что прежде, чем обсуждать с советским правительством возможные кредиты, нам следует получить гарантии, что оно примет участие во всемирной программе расширения торговли. До конференции в Москве были проведены переговоры с британцами о путях и методах ее распространения. Советское правительство пригласили на них, но оно не отреагировало. Будучи в Москве, Хэлл в долгих дискуссиях пытался склонить Сталина и Молотова на сторону этой программы. К его усилиям Молотов отнесся с вежливым, но бесполезным вниманием. На него, казалось, произвел впечатление идеалистический запал Хэлла, но его смущало, как доктрины более свободной торговли, отстаиваемые Хэллом, смогут сочетаться с коммунистическими методами хозяйствования. Эта неудача очень расстроила государственного секретаря. Из всех аспектов своей политики он крепче всего цеплялся именно за эту доктрину и был готов использовать все доступные дипломатии шансы, чтобы содействовать ей. Поэтому он считал, что русские могли бы приложить больше усилий к тому, чтобы найти пути сотрудничества с его торговой программой, если от этого зависит получение ими займов от Америки.

Пока Рузвельт находился в Тегеране, он и Гарриман обсудили с Гопкинсом, как продолжить разговор на эту тему. Посол не касался ее до тех пор, пока в последний день декабря 1943 года Молотов не спросил его, может ли он сказать что-нибудь новое по вопросу об экономической помощи после войны. Посол дал подготовленный ответ: по акту ленд-лиза американское правительство может осуществлять поставки только для ведения войны, поэтому для нужд восстановительных работ в Советском Союзе следует поискать иные пути. Он продолжил, что советскому правительству было бы уместно получить кредит в Соединенных Штатах; составить список предметов первой необходимости, чтобы можно было бы заранее запланировать их производство по мере необходимости; а также пригласить американских технических экспертов в Советский Союз, чтобы они изучили потребности Советского Союза и по возвращении в Соединенные Штаты способствовали их удовлетворению. Дух этих предложений соответствовал чувству тесного партнерства, с которым союзники покинули Тегеран. Молотов сказал, что Советский Союз очень заинтересован в этих возможностях и что его потребности огромны.

Вскоре после этого Гарриман попробовал выяснить через Гопкинса, на какую сумму кредита может рассчитывать Советский Союз. Он считал, что сначала кредиты должны быть относительно низкими и долгосрочными – примерно полбиллиона долларов под низкие ссудные проценты. Он предложил попросить советское правительство представить на рассмотрение заявки на использование подобных кредитов, пункт за пунктом, и таким образом дать американскому правительству возможность решить, может ли оно гарантировать поставки. По его мнению, если эти дискуссии пройдут в Москве, будет возможно добиться от советского правительства более широкой информации о других текущих требованиях на дефицитные товары, поставляемые по ленд-лизу, такие, как алюминий, никель и дизельные моторы. Он хотел покончить с привилегированным положением Советского Союза в этом отношении, а также получить гарантии, что требуемые товары используются только на военные цели, а не запасаются на послевоенное время. Кроме того, он хотел иметь возможность использовать перспективу американской помощи в качестве инструмента дипломатии, а также стимулировать реакцию на различные требования американцев о военном сотрудничестве, оставшиеся без ответа.

Гопкинс в это время заболел. Государственный департамент в целом согласился с идеей Гарримана, но для того, чтобы разработать определенные инструкции, требовалось время. Гарриман хотел, чтобы дискуссии о возможном кредите прошли в Москве. Но другие правительственные органы – Департамент вооружения, Департамент военной промышленности, Департамент обороны, администрация ленд-лиза – сочли это непрактичным. Вероятно, Гопкинсу не нравилась идея заставлять советское правительство доказывать свои потребности, ибо при этом оно было бы вынуждено раскрывать секретную информацию военного значения.

После Молотова переговоры вел Микоян. Советское правительство без возражений

приняло план, согласно которому материалы, необходимые для послевоенного восстановления, должны поставяться в кредит, подлежащий выплате. Советское правительство попросило как можно скорее заключить соглашение о кредите, чтобы немедленно приступить к восстановлению промышленности. 1 февраля Микоян предложил определить сумму первоначального кредита примерно в один миллиард долларов под полупроцентную ссуду. Доложив об этом в Вашингтон, Гарриман, однако, заметил, что поскольку американское правительство теперь сковано законными ограничениями (актом Джонсона) на расширение вообще какого-либо кредита Советскому Союзу, то он пока ограничится обсуждением общих вопросов. Послание Гопкинса, пришедшее несколько дней спустя, оказалось весьма полезным. В нем разрешалось производить в течение войны поставки Советскому Союзу таких товаров, как промышленное оборудование, нефтеочистительные заводы, которые можно использовать двояко – то есть и во время войны, и после нее – в соответствии с одним из положений акта ленд-лиза. Таким образом, от советского правительства только требуется согласие заплатить за любое многоцелевое оборудование, не поставленное к концу войны, на условиях, которые предстоит определить позже. Именно так, по мнению Гопкинса, оборудование, жизненно необходимое для послевоенного восстановления и заказанное заранее, может быть поставлено без запроса у конгресса особого кредита для Советского Союза; это можно будет обсудить позже, когда будут досконально известны потребности Советского Союза и возможности Соединенных Штатов. В результате этой предложенной процедуры вопрос об общем кредите остался во взвешенном состоянии, как и инструкции Гарриману, следовавшие из Вашингтона.

В дискуссиях с советскими официальными лицами весной 1944 года Гарриман противостоял этой линии помощи в переходный период. Предложение американцев по существу предлагало: 1) соблюдать гибкость в применении актов ленд-лиза, чтобы Советский Союз мог получить некоторые товары, которые могут потребоваться или использоваться только после окончания войны, при условии их оплаты позже; 2) выработать законопроект, который позволит правительству предоставлять кредиты для других восстановительных проектов, когда в Америке установится благоприятная политическая ситуация. В апреле советское правительство ознакомилось с этой программой, как наиболее доступной, и вскоре принялось обращаться с просьбами и делать заказы на некоторое оборудование, которое Советский Союз не мог производить сам до окончания войны против Германии. Но оба правительства считали это временной мерой до тех пор, пока не будут разработаны условия более широкого и долгосрочного займа.

Из некоторых замечаний Сталина в беседах с Эриком Джонсоном становится ясно его отношение к вкладу Америки в восстановительные работы в Советском Союзе. Джонсон рассказал ему о желании американских промышленных кругов иметь дело с Советским Союзом. Поддерживая разговор, Сталин предсказал, что американское правительство столкнется с безработицей, поиском для вернувшихся солдат работы и предотвращением депрессии. Он спросил, какие заказы Советский Союз должен дать Соединенным Штатам, чтобы те могли избежать неизбежных проблем. Когда Джонсон выразил мнение, что период послевоенной безработицы будет коротким, Сталин возразил, что, по его мнению, этот период будет довольно длинным.

Из ответа Сталина Джонсону во время их последнего разговора становится ясно, что он все больше и больше осознавал, сколько Соединенные Штаты вложили в становление советской промышленности. Джонсон проявил глубокий интерес к промышленности России. Сталин, сравнив ее с промышленностью Америки, сказал, что «...Соединенные Штаты внесли огромный вклад в довоенное развитие советской промышленности – вероятно, две трети всех больших заводов в Советском Союзе построены с помощью американцев и их опыта...». Можно предположить, что он ссылаясь на предвоенные данные.

Однако никакого страха перед послевоенной депрессией, который, как, может быть, показалось Сталину и его коллегам, красной нитью пронизывал американскую деловую

среду, в наших официальных отношениях в последний год войны не наблюдалось. Правительство продолжало удовлетворять все требования Советского Союза на технику, которая, предполагалось, необходима для военных нужд. Правительство начало объединять в пул через международную организацию (Администрация Объединенных Наций по помощи и реабилитации, известная под названием УНРА) гораздо большее количество запасов, которые Объединенные Нации собирались предоставить странам, пострадавшим от войны, чем могли дать другие страны; и оно полностью приветствовало участие Советского Союза в этой программе. И все же американское правительство хотело иметь хоть какую-то уверенность, что любой кредит, предоставленный Советскому Союзу, будет так же выгоден нам самим и остальному миру, как и этой стране. Оно не боялось предстоящих экономических трудностей.

Но американская внешняя политика также находилась во власти неверных представлений. Считалось, что России придется нелегко без сырья, химического, электрического и железнодорожного оборудования, которое могут предоставить Соединенные Штаты; и что желание получить все это заставит ее поддерживать добрые отношения с Соединенными Штатами. Но это мнение оказалось ошибочным. Советское правительство не проявляло желания занять примиренческую позицию с целью получить от Соединенных Штатов больше товаров в обмен или в кредит.

В январе 1945 года, перед самой Ялтинской конференцией, советское правительство сделало первый официальный заказ на послевоенный кредит. Объясняя Гарриману 3 января, что советско-американские отношения должны иметь определенную перспективу и твердую экономическую основу, Молотов передал послу меморандум, в котором определялась точка зрения Советского Союза. В нем говорилось: «Учитывая неоднократные заявления американских официальных лиц о желательности получения от Советского Союза значительных заказов на послевоенный и переходный периоды, советское правительство считает возможным сделать заказы на основе долгосрочных кредитов и на сумму шесть миллиардов долларов». Предложенный заем должен быть предоставлен на тридцать лет, выплаты начаться через девять лет, а процентная ссуда не превышать двух с четвертью процентов.

Гарриман посоветовал Вашингтону предоставлять Советскому Союзу всяческие кредиты для развития здоровой экономики. Он объяснил, что «...чем скорее Советский Союз сможет создать для своего народа приличную жизнь, тем более терпимым он станет». Но он снова заявил, что, по его твердому и серьезному мнению, вопрос о кредите должен вписываться в дипломатические отношения с Советским Союзом и что русским «...следует дать понять, что наше искреннее желание помогать им в широких восстановительных работах будет зависеть от их поведения в международных делах».

Инициатива Советского Союза вызвала различные реакции нескольких департаментов американского правительства. Департамент финансов незамедлительно предложил предоставить заем в десять миллиардов долларов под два процента, который при желании можно будет выплачивать стратегическим сырьем.

Секретарь Моргентхау утверждал, что предоставление такого кредита рассеет любые подозрения советских властей относительно наших намерений на будущее. Руководитель внешнеэкономического ведомства Кроули советовал подождать с кредитом до тех пор, пока советское правительство не примет наши условия долгосрочной выплаты за промышленное оборудование двойного использования, которое уже поставлено или будет поставлено по ленд-лизу. После многомесячных переговоров вопрос оставался открытым. Заместитель государственного секретаря по экономическим вопросам Клейтон считал, что план Департамента финансов слишком щедр; и он согласился с Гарриманом, что для сделки с Советским Союзом нам достаточно воспользоваться любым обширным кредитом. Благожелательный государственный секретарь Стеттиниус хотел удовлетворить всех, в том числе и русских. Но он, как и Рузвельт, сделал паузу, чтобы получить одобрение конгресса. Было решено оставить вопрос открытым до дискуссий со Сталиным и другими советскими

официальными лицами в Ялте.

Но там этому вопросу уделили лишь мимолетное внимание. На второй день конференции, 5 февраля, рассказав Стеттиниусу и Идену о желании русских добиться от Германии репарации, Молотов добавил, что он надеется получить от Соединенных Штатов долгосрочные кредиты. Стеттиниус согласился обсудить с Молотовым эту проблему или в Ялте, или в Москве, куда он собирается отправиться после конференции. Но ни Молотов, ни Сталин к ней не возвращались.

В последние месяцы войны активное обращение к соглашениям о переходном периоде, предусмотренным ленд-лизом, шло вразрез с развитием американско-советских отношений. А по мере того, как вопрос становился все более тревожным, американские официальные лица начали сомневаться в необходимости помогать Советскому Союзу восстанавливать свою экономику. Правда, они не хотели следовать совету Черчилля стоять на своем и платить русским их же монетой. Но они хотели обрести утраченную уверенность в намерениях Советского Союза прежде, чем самим предпринимать какие-то действия. И они еще надеялись, что даже во время триумфа советских руководителей сдержит наша осторожность и соблазнят награды за умеренность.

Кроме этой сдержанности по отношению к планам займа, у американского правительства накапливалось недовольство по поводу некоторых действий Советского Союза, которые оно считало чересчур резкими. Весной 1945 года обнаружилось, что советское правительство без нашего согласия передает другим странам товары, полученные от Соединенных Штатов по ленд-лизу, например грузовики и радиооборудование. Затем, в марте и апреле недовольство в официальных кругах возбудило своевольное обращение советских войск с нефтепродуктами и судами, прибывшими под их конвоем в Румынию и Венгрию. Более того, у Вашингтона создалось впечатление, что Москва собирается решать проблемы помощи и восстановительных работ в Европе, думая только о своих нуждах.

Наряду с другими событиями это недовольство ограничивало желание облегчить судьбу русского народа и положило конец представлению, что из-за своей роли в войне Советский Союз заслуживает приоритета или особого внимания. Однако, вероятно, выпуская 8 мая приказ о приостановке поставок по ленд-лизу, никто не собирался применять к Советскому Союзу карательных санкций. На этот шаг, казалось, скорее толкнуло строгое соблюдение акта ленд-лиза и желание избежать критики в конгрессе. Утверждалось, что по определенным условиям акта у исполнительной власти нет выбора, а конгресс неоднократно заверяли, что акт используют только для военных целей. Ясное выражение намерений и желаний конгресса мы находим в поправке к акту, когда 10 апреля 1945 года он продлил действие акта на один год. Факт продления действия акта был снабжен оговоркой, что параграф 3(с) запрещает президенту «заключать и выполнять любой контракт или соглашение с иностранным правительством о послевоенной помощи, послевоенном восстановлении и послевоенном строительстве...». В первой фразе сопроводительного письма к докладу Комитета сената по международным отношениям, представленного на рассмотрение 5 апреля, читаем: «Цель поправки к акту ленд-лиза, одобренной палатой, заключается в том, чтобы гарантировать, что соглашения по ленд-лизу не будут использованы для послевоенной помощи, послевоенного восстановления и послевоенного строительства».

Вот перечень сумм по акту ленд-лиза, с того момента, когда закон вступил в силу (11 марта 1941 года), до 30 июня 1945 года (в миллиардах долларов):

Соединенное Королевство – 13,5

СССР – 9,1

Африка, Средний Восток и Средиземноморские страны – 3,3

Китай и Индия – 2,2

Австралия и Новая Зеландия – 1,3

Латинская Америка – 0,2

Остальные страны – 1,5

Итого – 31,4.

Этот акт, вскоре исправленный, больно ударил по Британии. Черчилль и его коллеги с печальным вздохом восприняли его как обязательную тему для дискуссии. Но Сталин воспринял его как прямой удар, направленный на ослабление Советского Союза во многих отношениях. Американское правительство продолжало выполнять все поставки Советскому Союзу – согласно прежним договорам по ленд-лизу – ради вступления Советского Союза в войну на Тихом океане. Но дух сочувствия и щедрости, естественный для партнеров в войне и мире, исчез. Перспектива обширного займа и взаимной экономической помощи больше не успокаивала изношенные нервы коалиции.

Проверка возможностей продолжения сотрудничества с Советским Союзом; май 1945 года

Когда все члены победоносной коалиции приступили к контролю над Германией, личная встреча глав государств казалась единственным возможным способом найти прямой или обходной путь по тернистым дорогам переговоров. За несколько часов до капитуляции в Реймсе Черчилль, помня о недавнем высокомерном послании Сталина, касающемся Польши, заметил Трумэну: «Мне кажется, что перепиской уже ничего не добиться, и надо как можно скорее провести встречу трех глав правительств».

В нескольких последующих посланиях в начале мая премьер-министр упорно приглашал Сталина встретиться с ними в каком-нибудь «неразрушенном» городе Германии.

Трумэн охотно согласился. Но внутренние дела, такие, как послание о бюджете, требовали его внимания. Более того, он нуждался в дополнительном времени, чтобы сформировать свое мнение по обсуждаемым вопросам. Вероятно, он настороженно относился к слишком настойчивым требованиям Черчилля. Еще одним поводом для размышления явилось отсутствие с его стороны энтузиазма в отношении Германии как места встречи; он думал, что теперь, когда война закончилась, Сталин охотнее поедет на запад, может быть на Аляску. Поэтому он ответил Черчиллю, что ему хотелось бы, чтобы инициатива исходила от Сталина, и что ему неудобно покидать Вашингтон раньше июля.

Когда 15 мая Гарриман, собиравшийся вылететь из Вашингтона в Москву через Лондон, выразил мнение, что чем раньше состоится встреча, тем больше шансов для удачного исхода, президент ответил, что он в этом не уверен. Но в конце беседы передумал и сказал, что, возможно, приедет в начале июня, если Черчилль так настаивает на проведении конференции именно тогда. Он не хотел показывать свою тревогу о том, что Сталин сделает вывод, будто нам на любых условиях необходимо сотрудничество с Советским Союзом. Поэтому он решил позволить Черчиллю принять активное участие в проведении встречи, а самому ждать ответа Сталина прежде, чем принимать решение.

В то же время Трумэн пребывал в некотором замешательстве, поскольку Черчилль повторил приглашение, которое не успел принять Рузвельт: сначала посетить Великобританию, а потом вместе встретиться со Сталиным. Прислушавшись к мнению тех же советников, что были и у Рузвельта, особенно Гопкинса и Маршалла, он счел это неразумным. Используя те же слова, которые Рузвельт произнес до Ялты, он ответил Черчиллю, что если об этой встрече удастся договориться, то он считает, что они должны отправиться туда раздельно, чтобы это не выглядело так, словно они «объединяют силы».

А тем временем, поскольку попытки урегулировать спорные ситуации на расстоянии потерпели неудачу, Трумэн решил попросить Гарри Гопкинса, который был очень болен, как можно быстрее отправиться в Москву. Там ему надлежало известить Сталина, что нас очень тревожат разногласия с советским правительством из-за ситуации в Европе (особенно в Польше) и на Дальнем Востоке (особенно в Китае). Он должен объяснить нашу точку зрения и намерения.

Если ответы Сталина окажутся утешительными и дадут почву для соглашения, ему

предстояло выработать план встречи трех глав государств.

19 мая Трумэн отправил Сталину послание, в котором выразил уверенность, что советскому маршалу, как и ему, известно о том, как трудно решать сложные и важные вопросы, стоящие перед ними, посредством переписки. Поэтому, пока не представится возможность для личной встречи, он посылает Гопкинса с Гарриманом в Москву, чтобы они могли обсудить эти вопросы с советским лидером, затем Гопкинс тотчас же вернется в Вашингтон и доложит лично ему.

23 мая, в то время как из Москвы и обратно летели полные напряжения послания, Гопкинс отправился на эту важнейшую серию переговоров со Сталиным. Он твердо решил выяснить, возможно ли возродить дух сотрудничества с Советским Союзом, который помог им победить. Он считал, что, если позволить Черчиллю занять лидирующую позицию, отношения могут еще больше ожесточиться из-за вызывающих мер, на которых настаивал Черчилль. В дневнике Форрестола есть запись после беседы с Гопкинсом, в которой тот объяснил свою задачу в Москве: «Гарри сказал, что он скептически относится к Черчиллю, особенно в том, что касается англо-американо-русских отношений; что, по его мнению, для нас жизненно важно не объединяться с Великобританией в блок против России и не стать орудием для проведения Англией ее политики в Европе».

Одной из причин, по которым Трумэн решил одновременно направить еще одного специального посла к Черчиллю с заданием обговорить с ним те же самые спорные вопросы, была тревога. Он поручил задание Джозефу Дэвису. Это была провокационная кандидатура. Его лестные отзывы и трогательное описание жизни в Советском Союзе и советского официального режима удивляли многих опытных наблюдателей. Но основная движущая цель была похвальна: сохранить основу сотрудничества с Советским Союзом ради целей миротворчества. Черчилль должен быть предупрежден, что он, Трумэн, твердо намерен поддерживать политический курс Рузвельта. Если возникнут разногласия по каким-то вопросам, их нужно прояснить; а если для сохранения единства понадобится принять новые решения, их условия должны быть ясны. Тогда американское правительство выполнит свои обязательства и будет с уверенностью ожидать того же самого от объединенных правительств. На самом деле Дэвису предстояло дать понять страстному премьер-министру, что американское правительство не одобряет меры, на которых он настаивает, и не допустит недоверия и критики по отношению к России. Дэвису предстояло склонить британское правительство к терпению и покладистости.

Черчилль же понял Дэвиса так, что до встречи всех троих Трумэн хочет сначала переговорить со Сталиным где-нибудь в Европе, о чем прямо свидетельствуют мемуары: «Сущность его предложения заключалась в том, что до встречи со мной президенту следует сначала встретиться со Сталиным где-нибудь в Европе».

Однако в своих мемуарах Трумэн утверждает, что у него никогда и мысли не было о проведении официальных переговоров со Сталиным без участия премьер-министра. Как он позже писал, его идея заключалась лишь в том, чтобы получить хоть какую-то возможность поговорить со Сталиным до того, как начнутся трехсторонние переговоры. Вот что он вспоминает: «Разумеется, поскольку я не был лично знаком ни со Сталиным, ни с Черчиллем, я решил по прибытии на место встречи найти возможность увидеться с каждым из них отдельно. Таким образом, я бы лучше познакомился с ними, смог бы понять их, а они смогли бы понять меня».

Но возможно, из-за того, что Трумэн недостаточно четко объяснил Дэвису свои инструкции по этому вопросу, возможно, из-за того, что Дэвис неверно истолковал мысль Трумэна, предложение удивило и задело премьер-министра.

В докладе, представленном по возвращении домой, Дэвис сообщает, что он объяснил Черчиллю желание Трумэна рассеять подозрение Советского Союза, что Британия и Соединенные Штаты вместе с Объединенными Нациями «плетут интриги» против него; это подозрение и в самом деле не оправдано, и его следует рассеять; для этого требуется

уверенность в доброй воле и надежности всех сторон, которая может быть достигнута только в ходе откровенных дискуссий и благодаря возможности узнать и оценить друг друга. Не зная лично своих союзников, президент оказался в невыгодном положении по сравнению с премьер-министром и Сталиным. Черчилль и Идеи часто имели дружеские беседы с маршалом Сталиным и министром Молотовым. «Поэтому, ввиду ответственности предстоящей встречи, президент решил познакомиться с советским лидером и предоставить такую возможность ему... Президент хочет встретиться с маршалом незамедлительно, до запланированной встречи. Он уверен, что премьер-министр оценит разумность его позиции».

21 мая Черчилль снова написал президенту, что, по его мнению, необходима встреча всех троих в ближайшее время, и попросил: «Не могли бы Вы подсказать удобную дату и место для того, чтобы мы могли предъявить некоторые требования Сталину? Боюсь, он будет пытаться выиграть время, чтобы остаться властвовать в Европе, когда наши силы иссякнут...»

Премьер-министру, который не уставал предупреждать, что Россия может стать тираном Европы, было тяжело слушать интерпретацию Дэвисом его суждений и деятельности. По возвращении в Вашингтон Дэвис в своем отчете написал:

«Я откровенно сказал, что, слушая, как он [Черчилль] столь яростно выступает против угрозы советского господства и распространения коммунизма в Европе и проявляет явное недоверие к честным намерениям Советского Союза, стремящегося к лидерству, невольно задаешься вопросом, не хочет ли премьер-министр заявить всему миру, что он и Британия совершили ошибку, не поддержав Гитлера? Насколько я его понял, он сейчас выражает доктрину, которую провозглашали Гитлер и Геббельс все последние четыре года, стараясь нарушить единство союзников. Теперь он утверждает точно то же самое, что утверждали они, и делает те же выводы».

Черчилль не оценил, как глубоко его предложения огорчили гражданских членов американского правительства, поддерживающих ялтинские соглашения и считающих основным для мира в будущем продолжение сотрудничества с Советским Союзом; и как они встревожили военных, которые по-прежнему стремились к скорейшему завершению войны на Дальнем Востоке. Он собирался несколько встряхнуть их, но, сделав это, лишь напугал. Будучи всегда уверенным, что Соединенные Штаты и Великобритания едины в подходе к основным вопросам, и узнав, что влиятельные американские официальные лица так не считают и, по-видимому, настраивают в таком ключе нового президента, Черчилль, в свою очередь, был шокирован. Можно предположить, что он понял: Дэвис по возвращении поделился с Лихи и остальными своими соображениями, изложенными в отчете. «Премьер-министр, – резюмировал Дэвис, – безусловно великий человек, но, вне всякого сомнения, „первый, последний и на все времена“ великий англичанин. У меня невольно создалось впечатление, что он в основном больше озабочен сохранением позиции Англии в Европе, чем сохранением мира. В любом случае он убедил себя, что, служа Англии, он лучше служит делу мира». Здесь уместен комментарий Лихи: «Это было совместимо с оценкой нашим штабом позиции Черчилля во время войны».

Чувство унижения, оставшееся от встречи и разговора с Дэвисом, проскальзывает в коротком послании Черчилля Трумэну 31 мая после переговоров с Дэвисом: «Я провел приятные переговоры с мистером Дэвисом, о которых он доложит Вам по возвращении. Должен, однако, тотчас же сказать – мне следует быть готовым к встрече, которая будет продолжением конференции между Вами и маршалом Сталиным. Я считаю, что на эту встречу победы, на которой будут обсуждаться важнейшие вопросы, мы все трое должны собраться одновременно и на равных условиях». Трумэн дает изложение этого послания. Любопытно, что Черчилль нигде не ссылается на него, вспоминая об этом эпизоде.

Более свободно Черчилль высказал свое негодование в трехстраничной записке, которую он продиктовал 27 мая после первой беседы с Дэвисом и которую он, как позже

вспоминал, передал Дэвису. В отношении предлагаемой встречи со Сталиным премьер-министр написал в своей записке: «Надо понять, что представители правительства его величества не смогут присутствовать ни на какой встрече иначе, как в качестве равных партнеров с самого начала. Иное положение, несомненно, было бы прискорбно. Премьер-министр не видит необходимости поднимать этот спорный вопрос, столь большой для Британии, Британской империи и Содружества Наций». Печатаая текст этой записки в мемуарах, Черчилль выделил этот параграф курсивом.

Здесь же Черчилль заявляет, что президент «воспринял эту записку доброжелательно и с пониманием и 29 мая ответил, что обдумывает возможную дату для тройственной конференции». Но Дэвис в своем отчете президенту не упоминает ни о том, что получил записку от Черчилля, ни о том, что передал ее президенту. Он докладывает, что было решено не обмениваться вспомогательными записками. Трумэн не упоминает ни о получении какой-либо записки от Дэвиса, ни о подтверждении этого факта. Фактически он утверждает, что Дэвис не телеграфировал ему подробности своих переговоров с Черчиллем.

Это утверждение все решило. Несколько дней спустя Сталин написал Черчиллю, что был бы рад «в ближайшее время» встретиться с ним и Трумэном в Берлине.

Черчилль предложил назначить встречу на 15 июня, но Трумэн попросил отнести ее на более позднее время. Он сказал, что не может уехать из Соединенных Штатов до июля. На это у него могло быть несколько веских причин, в том числе, вероятно, он хотел дождаться конца испытаний атомного оружия и быть в Америке, пока в Сан-Франциско продолжается конференция Объединенных Наций.

Ведь большая часть американцев связывала свои надежды на мир именно с решениями этой конференции, а не с очередным столкновением умов глав государств. Они хотели принципов, а не сделок или силы. Лучшими средствами для достижения своей цели – прочного мира – они по-прежнему считали принципы. Они полагали, что, если на следующей встрече глав государств будут затронуты основные нерешенные проблемы сохранения мира, а Хартия Объединенных Наций будет одобрена с участием Советского Союза, легче будет вести все переговоры.

Конференция в Сан-Франциско открылась 25 апреля, в тот день, когда американские и советские части встретились на Эльбе. Радио, пресса, пропагандисты и платные службы информации всего мира, привлеченные правительством, хором рассыпались в различных комментариях по поводу заявлений, поступающих из конференц-залов.

В Думбартон-Окс были намечены основные черты организации. Все страны, в том числе и Советский Союз, были удовлетворены. Но многие выразили желание внести кое-какие изменения. И предстояло еще достичь соглашения об основном значении организации и равновесии между входящими в нее нациями. Менее крупные державы требовали большего количества мест, что обеспечивало и большее влияние. Остальные республики Американского континента ожидали, что Соединенные Штаты пойдут навстречу этим желаниям. Британские доминионы, сражавшиеся в войне столь же ревностно, как и все великие державы, считали, что имеют право на соответствующее положение, и надеялись, что британское правительство позаботится об этом. Но Советский Союз рассматривал любое расширение влияния союзников, особенно в странах, тяготеющих к Западу, как опасность его изоляции. До начала конференции в Сан-Франциско советское правительство предупредило, что, не получив гарантий того, что этого не произойдет, оно предпочтет остаться в стороне. Переговоры Молотова с Трумэном в Вашингтоне и встречи с американской делегацией в Сан-Франциско прошли тяжело и сдержанно.

Пока трубили фанфары в Сан-Франциско, в эти недели мая оставались еще надежды на примирение и преодоление разногласий. Американцам, говорившим от имени своего правительства, это казалось обязательным. Если этого не произойдет, не только распадется военная коалиция, но Соединенные Штаты могут остаться в стороне от европейских проблем.

Таким образом, пока Гопкинс в Москве пытался выяснить, собирается ли Сталин сотрудничать и держать данное им слово, и пока Дэвис старался успокоить страхи Черчилля относительно намерений Советского Союза, Стеттиниус оставался в Сан-Франциско, чтобы оценить, могут ли справедливые слова перейти в еще более справедливые дела. Президент Трумэн ждал результатов этой конференции. То же самое делал и Черчилль, но его внимание больше привлекало расширяющееся с каждым днем влияние Советского Союза в Центральной Европе. Во главе этого процесса стоял Сталин. Он был готов дать Гопкинсу обтекаемые ответы, оставляющие поле для отступлений в будущем. От него, несомненно, ускользнуло, что американцы уже стремятся уйти из Европы и направляют оружие против Японии.

Рузвельт и его коллеги были правы: нации нуждаются в моральном законе и свободе. Черчилль также был прав: нации нуждаются в великодушии и равновесии власти. В свою очередь, Сталин в своих претензиях тоже был убедителен: русский народ имеет право на самое полное равенство и защиту против любого нападения. Но под руководством Сталина русские не только пытались расширить свои границы и усилить контроль над соседними государствами, но и начинали активно распространять революционные идеи по всему миру. В течение нескольких следующих лет это должно было разорвать коалицию и, вместе с распространением оголтелого национализма, в некогда пассивных уголках света создать беспокойную обстановку, в которой мы все сейчас живем.